
СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
Глава 1. Мифы: битва стихий	21
Следствие ведут мифологи	23
Божественные «досье»	42
Мать сыра земля и ритуальные персонажи времен года	57
Духи среди нас	63
Бог, черт и уточки	73
Инь и ян русской мифологии	75
Глава 2. Сказка – ложь, да в ней намек.... . .	83
«Испытай: кто ты — трус иль избранник судьбы...»	93
Основной миф в волшебной сказке . . .	98
Кто есть кто в волшебных сказках . . .	109
«Страшно, аж жуть...»	115
«Дочь литовского князя» и суп из топора.	124

Глава 3. Преданья старины глубокой.	135
Миф, эпос, былина	137
Старшие или младшие?	144
Пиршественный стол князя Владимира	159
Новгородская вольница.	190
Кругом враги...	195
Глава 4. Песенная летопись России	199
Песни о том, что было	203
В мечтах о свободе	205
Цари и воины	208
Заключение.	220

ВВЕДЕНИЕ

Этот день Горислав запомнит надолго. Из-за напавшей на деревню хвори, занесенной Моровой девой, он пропустил подходящее время для посева и сейчас наверстывал упущенное, работая в поле от зари до зари. Его лошаденка старалась из последних сил, и, если боги будут милостивы, он сможет до темноты закончить распашку с таким трудом отвоеванного у леса участка. Горислав вытер лицо рукавом рубахи и поправил повязку, не дающую поту выесть глаза. Опушка была совсем рядом. Еще два прохода — и он наконец пойдет домой к ожидавшим его хозяйке и детям.

Внезапно резко стемнело. Пахарь поднял голову и взглянул на еще недавно голубевшую чашу небосвода: огромная черная туча почти закрыла солнце, напoлзая на него двумя отрогами, похожими на челюсти огромного чудовища. Горислав боязливо огляделся по сторонам. Мужики-односельчане, суетясь, разворачивали своих лошадок в сторону дома, побросав грубо сделанные сохи. По-хорошему, Гориславу тоже надо было спастись бегством, но до окончания работы оставалось совсем немного, и он решил рискнуть. Пахарь

хлестнул Сивку по вислому крупу, и тот, коротко заржав, побрел по уже подсохшей после таяния снега земле.

По полю пронесся резкий порыв ветра такой силы, что Горислав пожалел о своем опрометчивом решении и, махнув рукой на стремление наверстать потерянное время, поспешил к коню. Выпрягая Сивку, он все больше ощущал непонятное беспокойство. Почти над головой сверкнула молния, и тут же раздался оглушающий раскат грома. Сивка резко встал на дыбы, забив передними ногами в воздухе. Горислав, не ожидавший от своего уже немолодого коня такой прыти, выпустил вожжи из рук, и конь, брыкаясь, помчался к дому, словно отбиваясь от неведомого врага.

И тут на землю хлынул ливень, скрывший за водяной завесой окружающий пейзаж. Решив переждать непогоду, Горислав подбежал к опушке леса и встал под кронами могучих деревьев, стараясь увернуться от стекавших по листве струй воды. Это был настоящий конец света: молнии непрерывно сверкали, заливая окрестности мертвым холодным светом, а гром грохотал, закладывая уши, так что Горислав не слышал себя самого, хотя во весь голос молил Перуна о спасении.

Оглушенный грозой, Горислав не заметил, как из-за деревьев появился тощий медведь со свисавшими по бокам ключьями бурой шерсти. Это был шатун – проклятие деревни, за какие-то грехи насланное на нее Велесом. Лесное страшили-

ще с огромными желтыми клыками в оскаленной пасти уже задрало нескольких собак, покалечило двух охотников и оставило следы когтей на дверях почти всех домов, стоявших на околице деревни. Кто-то или что-то подняло его из берлоги посреди зимы, и сейчас оголодавший, а потому бесстрашный зверь спешил к ничего не подозревавшей добыче, презрев собственные инстинкты, требующие от него спрятаться от грозы.

Горислав заметил грозившую ему смертельную опасность, когда косолапый был уже совсем рядом. Страх придал сил, и мужик бросился прочь от хищника через свежевспаханное поле, забыв о том, что от медведя убежать невозможно. Но он мчался, не разбирая дороги, к дому, ожидая каждое мгновение, что на него навалится тяжелая туша и страшные клыки вцепятся в шею, ломая позвоночник.

Снова вспыхнула молния, и в громе Гориславу явственно послышался близкий рев зверя. В его легких уже не было воздуха, и несчастный упал на колени, отдавшись на волю богов. Но медведь почему-то не нападал. Более того, Гориславу показалось, что гроза стала заканчиваться и потоки воды уже не с такой силой били о землю, превращаясь из ливня в благодатный весенний дождь. Но почему его не загрыз хозяин леса? Может, побоялся во время грозы выскочить из-под спасительного лесного полога? Горислав поднялся на ноги и оглянулся. Неподалеку от него лежа-

ла туша медведя с обугленной шерстью. Не веря своим глазам, Горислав подошел к поверженному хищнику и опасно обошел вокруг, словно тот мог еще вскочить после удара молнии.

Убедившись в смерти косматого чудища, Горислав опустил на землю, невзирая на стоявшие кругом лужи, и облегченно заплакал, пользуясь тем, что никто не видит его мгновенной слабости. Дождь лил все тише и тише. Пауза между вспышками молний и грохотом грома все увеличивалась. Туча уходила на запад, небо светлело на глазах...

Горислав смахнул с лица слезы и, поднявшись, отряхнул промокшую насквозь одежду, а затем направился к дому, оглядываясь на поверженного хозяина леса. Он все-таки закончит сегодня пахоту, чего бы это для него ни стоило, надо только разыскать Сивку. Если уж сам Перун спас его жизнь, это что-то да значит...

ПОЗНАНИЕ МИРА ЧЕРЕЗ МИФ

К сожалению, мы мало знаем о дохристианской мифологии на Руси, поскольку отечественных литературных записей тех времен не существует. Ученым приходится по крупицам собирать крохи мифов, сохранившиеся в загадках и поговорках, старинных плачах, апокрифической литературе и в трудах иностранных историков.

Неизвестный автор. Обложка детской книги с изображением жилища Бабы-яги. Тип. изд-ва И. Д. Сытина. 1915 г.

В отличие от других древних народов — греков, римлян, египтян, индийцев, — успевших создать государства и за сотни лет привести свои мифы в более-менее стройную систему, языческая Киевская Русь в форме единого государства просуществовала чуть больше ста лет. До того на этих землях жили отдельные славянские племена и союзы племен, и пантеоны их богов могли различаться. Даже если у двух племен в целом почитались сходные божества, «акценты» могли быть разными в зависимости от основных занятий, климата и уклада жизни: например, в одном племени больше почитали богов — покровителей скотоводства, в другом — божеств, олицетворявших земледелие. В результате такой «нестыковки» один и тот же персонаж в разных местах мог исполнять различные функции. Яркий тому пример — известная всем Баба-яга. То она детишек в печь отправляет и черепа на тын насаживает, то доброму молодцу клубочек путеводный дает и помогает на тот свет по делам сбегать, то мечом размахивает. Она, правда, не богиня, но менее противоречивой от этого не становится. Есть и еще одна версия: в дохристианской мифологии Баба-яга была пограничным персонажем, связывавшим мир живых и мир мертвых, этим и обусловлена ее противоречивость. И кстати, костяная нога — тоже примета частичной принадлежности к загробному миру.

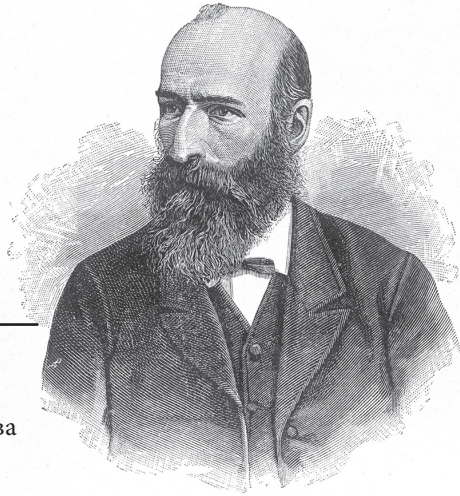
Да и жившие на одной территории персонажи не оставались статичными, а меняли свои характеры по мере развития цивилизации, становясь более гуманными к людям. Или изначально обладали на редкость противоречивыми чертами — причин у этого

было много. Например, древние боги у всех народов ассоциировались с силами природы, а стихия не может быть положительной или отрицательной, она по большому счету непредсказуема. Скажем, Аполлон у древних греков предстает в мифах и как светозарный красавец с кифарой, покровитель муз и отец бога медицины Асклепия, и кровожадным божеством, безо всяких душевных терзаний содравшим кожу с Марсия и перебившим ни в чем не повинных детей хвастливой Ниобы. Правда, с течением времени и с развитием мифа такая двойственность часто сглаживалась.

Огромный вклад в изучение русской мифологии внес русский собиратель фольклора, историк и литературовед Александр Николаевич Афанасьев, живший в середине XIX века.

Его судьба была трагичной. Окончив юридический факультет Московского университета, он преподавал словесность и русскую историю, а затем работал в Московском главном архиве Министерства иностранных дел. Дослужился до надворного советника. Параллельно с основной работой интересовался литературой и фольклором. Печатался в основанном А. С. Пушкиным журнале «Современник» и в «Отечественных записках», оказавших большое влияние на литературную жизнь России. Пытался без особого успеха издавать журнал «Библиографические записки».

Первый сборник А. Афанасьева «Русские народные легенды» был забракован цензурой, которую

Неизвестный автор.
Портрет Александра
Николаевича Афанасьева
из сборника «Народные
русские сказки». XIX в.

впоследствии поддержал Синод из-за не совпадавших с официальной версией народных историй о житии святых и Христа.

Но главным трудом своей жизни А. Н. Афанасьев считал трехтомник «Поэтические воззрения славян на природу», в котором изложил взгляды на солнечную мифологию древних славян, связав миф с процессами, происходящими в природе. Увы, его колоссальный труд, основанный на огромном количестве материала, остался незамеченным широкой публикой. И только вышедший впоследствии двухтомник «Русские детские сказки» вызвал у читателей восторг, и так получилось, что мы сейчас помним Афанасьева не как фольклориста-теоретика, а как человека, собравшего более шестисот русских сказок, которыми мы зачитываемся до сих пор.

Со становлением Киевской Руси как государства потребность в «божественной унификации» становилась все сильнее. Наконец, князь Владимир попытался привести религиозную жизнь своих подданных в более-менее стройную систему и поставил неподалеку от своего жилища идолов шести богов — Перуна, Хорса, Дажьбога, Стрибога, Мокоши и Семаргла (Симаргла) с главенствовавшей ролью Перуна, бога-громовержца¹. Уточним: основной источник, благодаря которому нам известно об этом событии, — летопись «Повесть временных лет», созданная в начале XII столетия. Предположительный автор летописи, монах Нестор, мало того что не был непосредственным свидетелем этих событий, так еще и судил о них со своей христианской точки зрения. Поэтому и в перечне имен «божественной шестерки», и в описании самого события возможны неточности: «И стал Владимир княжить в Киеве один, и поставил кумиры на холме за теремным двором: деревянного Перуна с серебряной головой и золотыми усами, и Хорса, Дажьбога, и Стрибога, и Симаргла, и Мокошь. И приносили им жертвы, называя их богами»². Из-за уже упоминавшейся нехватки информации о дохристианских богах славян мы не можем с уверенностью судить о том, каковы были функции каждого из шести богов Владимирова пантеона. Практически не вызывает сомнения тот факт, что Перун почитался

---

¹ Высказывается версия, что богов на самом деле могло быть не шесть, а семь; многих исследователей удивляет, что в летописи не упомянут Велес — божество, весьма значимое в среде славян, покровитель животных.

² Повесть временных лет / подг. текста и ком. О. В. Творогова, пер. Д. С. Лихачева // Памятники литературы Древней Руси. XI — 1-я пол. XII в. М., 1978.

часто определяют как покровителя ветра и воздуха. Загадочнее всех в этой компании, пожалуй, Семаргл: ряд исследователей считают его олицетворением огня, богом растительности либо вестником богов (чем-то наподобие греческого Гермеса). Высказываются также версии, что Семаргл — заимствованное божество: его имя производят от ассирийских слов «поклоняться» и «огненная стихия» или от иранского «Симург» — имени царя всех птиц. Возможно, часто встречающееся в древних орнаментах изображение существа, похожего на крылатого пса или леопарда, — это одна из ипостасей Семаргла (ниже мы еще раз обратимся к возможным обличьям и обязанностям древних славянских богов).

Насколько дисциплинированно подданные начали исполнять распоряжения князя, повелевшего особо почитать шесть отобранных им божеств, нам неизвестно. Но можно предположить, что часть киевлян не очень-то поняла суть реформы. Как уже говорилось выше, у разных племен, которые относительно недавно объединились в одно государство — Киевская Русь, «комплекты» почитаемых богов могли быть разными, несмотря на то что все эти племена были славянскими. Так, например, значимость Перуна, которого многие исследователи традиционно считают верховным богом славян и покровителем князя и дружины, за пределами Киева могла быть значительно ниже.

Владимир еще раз подумал и, решив, что сломать старый дом и на его месте построить новый проще,

чем пытаться приспособить имеющийся к новым реалиям, через восемь лет сверг идолов и крестил Русь.

Новая вера не всегда и не везде внедрялась легко и безболезненно. Отчасти именно этим объясняется такое большое количество языческих пережитков в русской культуре: часто они просто маскировались под новые реалии. Так что процесс не формальной, а фактической христианизации Руси, породив двоеверие, растянулся на несколько столетий. Отголоски язычества дошли до нас сквозь тысячу лет непростой истории Руси-России, а автор «Повести временных лет» уже в XII веке жаловался, что русские люди только на словах называются христианами, а на деле живут как язычники.

Но откуда же взялись мифы о богах и героях и зачем они были нужны?

Древние люди, постигая мир, сравнивали все непознанное с тем, что им хорошо знакомо. У соседа телега грохочет так, что перекрывает любой шум, значит, гром — это грохот повозки Перуна, на которой бог мчится, чтобы сразиться с укравшим солнце Змеем. Идет грибной дождик при сияющем солнце — значит, небесные девы умывают светило.

Возникнув, выражаясь высоким стилем, как художественный способ объяснения явлений природы, взаимоотношений между земными и космическими началами, мифы понемногу трансформировались. Олицетворявшие явления природы боги все более очеловечивались. Языческие божества, на сме-

Так могло выглядеть типичное языческое капище

Конек — завершение балки-охлупня, соединяющей скаты крыши, ранее имел ритуальное, обережное значение